

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Арсланов Б.А., Фартусов Е.С. Влияние гражданского сопротивления на мировое сообщество после холодной войны // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.2.74741 EDN: ZZOUDE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74741

Влияние гражданского сопротивления на мировое сообщество после холодной войны

Арсланов Байрам Арсланович

магистр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ bayramarslanov70@gmail.com

Фартусов Егор Сергеевич

магистр; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ muzfart@gmail.com

[Статья из рубрики "Роль и место политических конфликтов в современном политическом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.2.74741

EDN:

ZZOUDE

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2025

Дата публикации:

10-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является феномен гражданского сопротивления и его влияние на формирование мирового порядка после окончания холодной войны. Авторы рассматривают такие аспекты темы как историческая эволюция ненасильственной борьбы, революционные события 1989 года в Центральной и

Восточной Европе, события на площади Тяньаньмэнь и последующее формирование альтернативной модели развития Китая. Отдельное внимание уделяется сравнительному анализу эффективности насильственных и ненасильственных методов сопротивления в период 1989-2018 гг. на основе данных проекта NAVCO. Исследование также затрагивает влияние цифровой революции и глобализации на трансформацию форм гражданского сопротивления, включая Арабскую весну и новейшие социальные движения экологической направленности. Работа представляет научный интерес как анализ феномена гражданского сопротивления в контексте глобальных геополитических изменений последних десятилетий. Методология исследования сочетает количественный анализ кампаний сопротивления 1989-2018 гг. на основе данных проекта NAVCO с изучением современной литературы по ненасильственной борьбе. Применяется сравнительный подход для оценки результативности различных форм гражданского сопротивления в разных исторических и культурных контекстах. Основными выводами проведенного исследования являются подтверждение большей эффективности ненасильственных методов сопротивления по сравнению с насильственными и выявление тенденции снижения результативности гражданского сопротивления в последние десятилетия. Вкладом авторов в исследование темы является анализ влияния цифровой революции и глобализации на трансформацию форм гражданского сопротивления после 1989 года. Новизна исследования заключается в сравнительном рассмотрении результатов "бархатных революций" в Европе и событий на площади Тяньаньмэнь, приведших к формированию альтернативных моделей развития. Автор приходит к выводу, что современная многополярная система международных отношений характеризуется сосуществованием различных моделей общественного развития. В ближайшие годы прогнозируется возникновение новых форм гражданского сопротивления, ориентированных на противодействие глобальным вызовам – климатическому кризису, экономическому неравенству и цифровому контролю.

Ключевые слова:

Гражданское сопротивление, ненасильственная борьба, бархатные революции, площадь Тяньаньмэнь, пост-биполярный мир, цифровая революция, Арабская весна, глобализация, многополярность, экологический активизм

Введение

Гражданское сопротивление стало определяющим элементом политического действия в современном мире. Исследования американского политолога Эрики Ченовет свидетельствуют, что из 628 массовых кампаний, организованных с 1900 по 2019 год для достижения значимых политических целей, более половины использовали преимущественно стратегии ненасильственного гражданского сопротивления [\[1, с. 69-84\]](#). Систематическое применение ненасильственных методов политической мобилизации превратилось в доминирующую стратегию борьбы во многих конфликтах после окончания холодной войны.

Падение коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе в 1989 году продемонстрировало потенциал гражданского сопротивления для трансформации политических систем. Данные события остались в коллективной памяти как мирное восстание народов, движимых стремлением к свободе и суверенитету.

Настоящее исследование предлагает историческую рефлексию гражданского

сопротивления в постбиполярном мире в связи с ключевыми вопросами современной международной системы. Методология работы сочетает количественный анализ кампаний сопротивления, происходивших в мире в период 1989-2018 гг., на основе данных проекта *Nonviolent and Violent Conflict Outcomes (NAVCO)* с изучением новейшей литературы по ненасильственной борьбе.

Основная цель исследования заключается в изучении наследия «долгого 1989 года» в эволюции гражданского сопротивления. Анализ концентрируется на трех основных проблемах: взлете и падении пост-1989 либерального цикла гражданского сопротивления в Европе; последствиях событий на площади Тяньаньмэнь и становлении китайского государственного капитализма; влиянии технологической и цифровой революции на гражданское сопротивление после 1989 года.

Теоретические аспекты и историческое значение гражданского сопротивления

Согласно определению, разработанному в рамках проекта «Гражданское сопротивление и силовая политика» под руководством Тимоти Гартона Эша и Адама Робертса, данный феномен включает широкий спектр активностей, бросающих вызов определенной власти, силе, политике или режиму. Термин «гражданское» указывает на то, что деятельность относится к гражданам или обществу, а цели движения «гражданские» в том смысле, что они широко разделяются в обществе; при этом подчеркивается невоенный и ненасильственный характер действий [\[2, с. 2\]](#).

Гражданское сопротивление включает множественные формы социального, психологического, экономического и политического действия, не прибегающие к угрозе или использованию насилия. Процессы гражданского сопротивления систематически применяют разнообразные методы ненасильственного действия для мобилизации населения в поддержку или противостояние определенным политикам, для делегитимации противников и для устранения или сокращения источников их власти.

Методы гражданского сопротивления можно классифицировать по нескольким категориям: ненасильственный протест и убеждение; политическое, социальное или экономическое несотрудничество; ненасильственное вмешательство; и создание альтернативных поведенческих моделей и институтов, бросающих вызов структурам, воспринимаемым как несправедливые или репрессивные [\[33\]](#).

Вацлав Гавел использовал знаменитое выражение «сила бессильных», чтобы подчеркнуть значение гражданского сопротивления в Центральной и Восточной Европе [\[3\]](#). Его эссе рассматривается как критическая рефлексия о сопротивлении и диссидентстве и как вклад в современную политическую мысль. Ханна Арендт в своей работе «Гражданское неповиновение» отмечала, что «перспектива очень быстрых изменений предполагает, что прогрессивно расширяющаяся роль гражданского неповиновения в современных демократиях весьма вероятна. Если гражданское неповиновение останется, как многие пришли к убеждению, вопрос о его совместимости с законом имеет первостепенное значение; ответ на него может решить, окажутся ли институты свободы достаточно гибкими, чтобы пережить натиск перемен без гражданской войны и без революции» [\[4, с. 39\]](#).

Историческая эволюция ненасильственной борьбы в XX веке представляет собой трансформацию методов и стратегий политического действия, направленных на социальные изменения без применения насилия. Первый период (первая треть XX века) связан с деятельностью Махатмы Ганди, сыгравшего важную роль в развитии

ненасильственного сопротивления как политического действия. Второй период (1950-1960-е годы) характеризуется распространением практики гражданского сопротивления по всему миру вслед за успехом гандианского опыта. Третий период (конец 1960-х – 1970-е годы) ознаменовался протестными движениями, охватившими многие западные страны с требованиями социальных, экономических и политических прав. Четвертый период (1980-е – начало 1990-х годов) характеризуется волной продемократических движений, которые с 1980-х годов до начала XXI века бросали вызов множеству недемократических режимов по всему миру. Пятый период связан с революциями 1989 года в Центральной и Восточной Европе, ставшими апогеем гражданского сопротивления в Европе.

Революции 1989 года: гражданское сопротивление и падение коммунистических режимов

«Бархатные революции» 1989 года в Центральной и Восточной Европе стали переломным моментом мировой истории. Как отмечает историк Владимир Тисманяну, «революции 1989 года принципиально изменили политическую, экономическую и культурную карту мира» [\[5, с. 283\]](#). Быстрый коллапс коммунистических режимов вошел в коллективную память как мирное восстание народов, движимых стремлением к свободе и суверенитету.

Гражданское сопротивление сыграло решающую роль в падении коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1989-1991 годах и, следовательно, в окончании холодной войны. Массовые мирные демонстрации в Берлине, Лейпциге, Праге, Варшаве и Будапеште сформировали новую парадигму ненасильственных революций, опровергающую устоявшееся убеждение о необходимости насилия для осуществления глубоких политических трансформаций [\[20, с. 23\]](#).

Движения общественного протеста и гражданского сопротивления, такие как «Солидарность» в Польше, Хартия 77 в Чехословакии и демократическая оппозиция в Венгрии, отличались использованием языка прав и автономии гражданского общества. Падрик Кенни представил 1989 год как «карнавал революций», что помогает объяснить, почему революция 1989 года захватила западное воображение [\[11, с. 355\]](#). Триумф «бархатных революций» сопровождался распространением идеала «открытого общества». Книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги» стала обязательным чтением по всему посткоммунистическому миру. По мнению Ральфа Дарендорфа, конец коммунизма в Восточной Европе открыл двери к новым возможностям свободы, жизненным шансам и современности. Революция 1989 года была изменением к лучшему, потому что это было изменение в пользу открытых обществ [\[12, с. 178\]](#).

Одной из наиболее значимых долгосрочных последствий «бархатных революций» стало расширение Европейского союза и НАТО на восток, что радикально изменило геополитический ландшафт Европы. Как отмечает Милан Кундера, если «трагедией» коммунистической Европы после Второй мировой войны было быть культурно западной, политически восточной и географически центральной, 1989 год ознаменовал примирение культуры, политики и географии [\[34\]](#).

Однако после «демократического момента» 1989 года наступил период кризиса демократии и появления нелиберальных демократий. В Центральной и Восточной Европе, когда демократический переход начал застопориваться во время экономического кризиса 2008 года, новые неуверенности создали благодатную почву для дальнейшего процесса консолидации нелиберальных демократий. Основные аспекты нелиберального

поворота можно обобщить следующим образом: кризис верховенства закона, рост национализма и культурная «контрреволюция» в Европе [\[13, с. 5\]](#).

Жак Рупник напоминает, что при анализе наследия 1989 года можно наблюдать эволюцию трех взаимосвязанных циклов, формировавших мир после 1989 года: от демократического импульса 1989 года к кризису демократии и появлению нелиберальных демократий; от возникновения глобализованной рыночной экономики к международному финансово-экономическому кризису 2008 года; от триумфа Запада в холодной войне к «многополярному» миру XXI века и смещению центра тяжести мировой экономики с Атлантики на Тихий океан [\[24, с. 22\]](#).

«Иной 1989»: площадь Тяньаньмэнь и капитализм "по-китайски"

Если европейские революции 1989 года ознаменовали триумф либеральной демократии и открытого общества, события того же года в Китае демонстрируют принципиально иной путь развития. В то время как на Западе 1989 год ассоциируется с падением Берлинской стены и торжеством демократии, в восточной части мира, за пять месяцев до событий в Берлине, произошли события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, которые привели к иной траектории политического и экономического развития.

Для понимания значения китайского гражданского сопротивления 1989 года и его последствий необходимо рассматривать внутреннюю и внешнюю динамику Китая в 1980-х годах. На протяжении 1980-х годов процесс реформ и открытости в Китае развивался непрерывно. Однако «реформы и открытость» были весьма несбалансированными с сильным акцентом на экономические инициативы и отсутствием политических и социальных реформ. Как отмечает историк Чэнь Цзянь, эта крайне несбалансированная траектория была одной из важнейших внутренних причин пекинских событий 1989 года [\[7, с. 97\]](#).

Апрельско-июньские события 1989 года представляли серьезную угрозу для стабильности Китайской Народной Республики с момента ее основания в 1949 году. Ситуация обострилась после смерти Ху Яобана, популярного реформистского китайского лидера. 15 апреля 1989 года Ху Яобан умер в Пекине. В недели после его смерти тысячи студентов с пекинских кампусов собрались на площади Тяньаньмэнь. Хотя основные причины событий на площади Тяньаньмэнь были преимущественно внутренними, уместно поместить такие события в контекст нормализации китайско-советских отношений, которая кульминировала визитом Горбачева в Китай 15-18 мая 1989 года. Визит Горбачева в Пекин, несомненно, оказал сильное влияние на поведение китайского продемократического движения [\[9, с. 129\]](#).

Мировая общественность была потрясена пекинскими событиями, но западные страны предпочли выстроить одностороннюю интерпретацию происходящего, игнорируя сложность внутреннего контекста Китая и его исторического пути. Дэн обосновал свои действия утверждением, что мирная и стабильная среда необходима для продолжения реформ Китая, с целью модернизации и открытия капиталистическому миру. Последующие десятилетия подтвердили правильность этого стратегического решения, позволившего Китаю избежать катастрофического сценария распада, который постиг Советский Союз.

После событий 1989 года китайское руководство начало делать выводы из произошедшего. Политический кризис, вызванный студенческим движением весны 1989 года, оказал глубокое влияние на направление экономических реформ и

структурирование китайского капитализма с глобальными последствиями. Экономическая реформа была возобновлена после 1992 года. Весной 1992 года Дэн совершил «Южное турне», чтобы утвердить важность рыночной экономики в Китае. За этим последовал быстрый экономический рост Китая – несмотря на застой в политической демократизации страны – в последнее десятилетие двадцатого века и вступление в двадцать первый век [8, с. 66].

Китайская модель государственного капитализма, сформировавшаяся после 1989 года, представляет собой альтернативный путь развития, отличный от западной либеральной демократии. Данная модель сочетает сильное государственное управление с элементами рыночной экономики, обеспечивая стабильность, национальный суверенитет и устойчивый экономический рост. Китайский опыт демонстрирует, что политическая стабильность и экономическое развитие могут быть достигнуты без принятия западной модели либеральной демократии, что представляет значительный интерес для многих развивающихся стран.

Позиция Китая на международной арене сегодня утвердилась как экономическая и стратегическая сверхдержава, предлагающая альтернативную модель развития и международного сотрудничества, основанную на принципах невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодного партнерства и многополярности [25, с. 169].

Эффективность гражданского сопротивления после холодной войны

Различные пути развития Китая и стран Центральной и Восточной Европы после 1989 года демонстрируют сложность и неоднозначность результатов гражданского сопротивления в разных исторических и культурных контекстах. Однако для понимания феномена гражданского сопротивления необходимо провести сравнительный анализ эффективности насильственных и ненасильственных методов борьбы в постбиполярном мире (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительная эффективность ненасильственных и насильственных кампаний сопротивления (1989-2018 гг.)

Показатель	Ненасильственные кампании	Насильственные кампании
Общее количество кампаний	212 (60,75%)	137 (39,25%)
Полностью успешные кампании	104 (49,06%)	25 (18,25%)
Частично успешные кампании	29 (13,68%)	17 (12,41%)
Неуспешные кампании	79 (37,26%)	95 (69,34%)
Общий уровень успешности (полный + частичный успех)	133 (62,74%)	42 (30,66%)
Динамика уровня неудач по десятилетиям:		
1989-1998	16%	62%
1999-2008	29,31%	78,26%
2009-2018	53,93%	85%
Распределение по целям:		
Изменение режима	187 из 268 (69,77%)	81 из 268 (30,23%)
Независимость/автономия	11 из 20 (55%)	9 из 20 (45%)
Территориальная сецессия	10 из 56 (17,86%)	46 из 56 (82,14%)
Другие	4 из 5 (80%)	1 из 5 (20%)

Источник: Таблица составлена на основе данных проекта Nonviolent and Violent Conflict Outcomes (NAVCO), разработанного в Гарвардском университете. База данных NAVCO 1.3 доступна по адресу: <https://dataverse.harvard.edu/file.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND/XRA6WM&version=1.0> (accessed: 01.06.2025)

Сравнивая результаты, полученные стратегиями вооруженной борьбы и ненасильственного сопротивления в максималистских кампаниях, идентифицированных в конфликтах после окончания холодной войны, можно констатировать, что гражданское сопротивление оказалось более чем вдвое эффективнее вооруженной борьбы. Согласно данным проекта *Nonviolent and Violent Conflict Outcomes (NAVCO)* в период с 1989 по 2018 год были проведены 349 кампаний, из которых 129 привели к успешным процессам борьбы, достигшим поставленных политических целей, а еще в 46 случаях желаемые цели были достигнуты лишь частично. Напротив, в 174 случаях, почти половине, поставленные цели не были достигнуты, что привело к провалу [6].

Анализ этих результатов в зависимости от характера стратегии борьбы показывает, что эффективность гражданского сопротивления выше, чем вооруженного пути. Из 212 кампаний, использовавших ненасильственное сопротивление как средство политических действий, 104 добились полного успеха в достижении своих целей, а в 29 случаях успех был ограниченным. Сумма обеих категорий включает 62,74% от общего числа кампаний гражданского сопротивления. Напротив, показатель успеха процессов, прибегавших к насилию для достижения своих целей, ниже, достигая лишь 30,66%, полностью достигнув их в 25 случаях и частично в 17, но потерпев неудачу в 95 случаях.

Эффективность ненасильственной борьбы подтверждается не только непосредственным достижением поставленных кампаниями целей, но и качеством достигнутых результатов в процессах смены политического режима. Исследования показывают, что в странах, где происходили кампании гражданского сопротивления, возможности для демократической консолидации, периоды постконфликтной стабильности и многочисленные показатели качества жизни были выше, чем в странах, переживших гражданские войны [10,11].

Джонатан Пинкни отмечает, что более 60% переходов к демократии, инициированных ненасильственными процессами, установили более или менее демократические режимы, в то время как более половины процессов борьбы, включавших применение вооруженной борьбы, создали очень автократические политические системы, и только 20% из них смогли установить минимально демократические системы [26, с. 60-61]. Другие исследования доказывают, что переходы, переживающие процессы гражданского сопротивления, обеспечивают значительно большую выживаемость демократических режимов, которые они породили, чем те переходы, которые были осуществлены путем переговоров между элитами или где главной была вооруженная борьба [27, с. 758-771].

Что объясняет эти столь разные результаты? Один из основных элементов большого успеха процессов ненасильственного сопротивления связан с вероятностью того, что они привлекут более высокие уровни участия, чем насильственные процессы, из-за более низких барьеров для участия. Ненасильственная борьба открыта для широких слоев общества, независимо от возраста, пола или физических способностей.

Данная открытость увеличивает участие и, таким образом, помогает процессам сопротивления достичь своих целей, поскольку увеличивает базы поддержки движения в борьбе и ресурсы, имеющиеся в его распоряжении. Высокое участие может развернуть более высокие уровни принуждения для облегчения отзыва опор поддержки режима через действия протеста и несотрудничества, а также увеличивает вероятность того, что

произойдут изменения лояльности, как среди военных сил, так и среди элит. Кроме того, высокое и разнообразное участие предлагает широкое тактическое разнообразие и увеличивает способность к инновациям движения.

Интересно наблюдать тенденцию в эволюции эффективности обоих способов борьбы на протяжении трех исследуемых десятилетий, поскольку наблюдается очевидное и весьма значительное снижение ее, как в ненасильственном сопротивлении, так и в вооруженном. Отмеченная тенденция ясно проявляется в прогрессивном увеличении показателя неудач кампаний из десятилетия в десятилетие. Так, вооруженное сопротивление показывает процент неудач, достигающий 62% в первом десятилетии, поднимаясь до 78,26% во втором десятилетии и заканчивая третье десятилетие на 85%. В случае ненасильственной борьбы происходит аналогичная эволюция тенденции, хотя ее вероятность неудачи менее высока. Показатель неудач вырос с 16% в первом десятилетии до 53,93% в последнем.

Для объяснения этих тенденций можно обратиться к изменениям, произошедшим у участников этих конфликтов в последние годы, как у правительств, так и у движений сопротивления. Правительства перестали недооценивать ненасильственную борьбу и стали способны развернуть политически более умный репертуар мер для ее подавления посредством разделения, инфильтрации или избирательной атаки против ключевых агентов движения [\[31, с. 185-214\]](#). С другой стороны, движения гражданского сопротивления начинают проявлять определенные характеристики, которые снизили эффективность их борьбы, такие как меньшее участие, сокращение спектра используемых тактик, большая организационная бедность и растущая толерантность к появлению насильственных групп на их периферии [\[1, с. 76-77\]](#).

Глобализация и цифровая революция: новая эпоха гражданского сопротивления

Годы, последовавшие за окончанием холодной войны, были отмечены двумя революционными процессами в международном сценарии: «глобализацией» и «технологической/цифровой революцией». Новые экономические и социальные динамики создали невиданные перспективы для роста, инноваций и благосостояния, но одновременно привели к появлению экономических, культурных и социальных неравенств.

Юваль Ной Харари напоминает, что в 1990-х годах Интернет стал фактором, изменившим мир больше, чем любой другой. Данная революция способствовала созданию нового мира, вызвала разрыв между иерархиями и разработала новое видение человека, гражданина и глобального общества [\[15, с. 23-24\]](#). Как отмечает Фрэнсис Фукуяма, 1990-е годы стали временем рождения глобального Интернета, который в то время почти повсеместно рекламировался как предлагающий помощь и поддержку начинающим демократам по всему миру. Модель Интернета для распределенных вычислений и коммуникаций, казалось, должна была опрокинуть существующие авторитарные иерархии и распространить информацию — и, следовательно, власть — на гораздо более широкий круг людей [\[14, с. 18\]](#).

Процессы глобализации 1990-х годов способствовали расширению и увеличению веса транснациональных сетей, затрагивающих как государства, так и гражданское общество. Национальные государства увеличили свое присутствие в многосторонних и транснациональных, военных (НАТО), финансовых (МВФ, Всемирный банк), торговых (ВТО) и наднациональных (ЕС) организациях, а их суверенитет по многим экономическим

и политическим вопросам был передан этим глобальным аренам. Как отмечает Ален Турен, национальным государствам стало легче приписывать ответственность за возможные неудачи международным и наднациональным организациям, которые, таким образом, стали объектом наибольшей критики со стороны гражданского общества [\[36, с. 224\]](#).

Постепенно 1990-е годы обнаружили свою неоднозначность, противоречия были обречены проявиться, как и эксцессы капитализма и наличие сильных экономических и социальных неравенств на глобальном уровне. В конце 1990-х годов различные гражданские сети и движения общественного протеста по всему миру начали объединяться в то, что стало известно как Глобальное движение за справедливость (GJM), глобальное движение против «неолиберальной капиталистической экономической модели» [\[37, с. 192\]](#).

Движение прорвалось в массовые протесты, которые привели к краху переговоров Всемирной торговой организации (ВТО) в Сиэтле 30 ноября 1999 года. Конференция закрылась без каких-либо значительных результатов, в основном из-за возмущения, вызванного протестом более 700 организаций и около 60 тысяч человек, которые вышли на улицы Сиэтла, протестуя против ведения переговоров [\[19, с. 537-550\]](#).

После эйфории пост-1989 года глобализованный мир начал проявлять темную сторону социального дискомфорта, нестабильности и маргинализации. Постепенно проявилась сложность, даже в Европе, «квадратуры круга» в примирении экономического благосостояния, социальной сплоченности и политической свободы [\[23, с. 229-239\]](#). Пост-1989 парадигма была поставлена под сомнение в новом веке. Нападения на башни-близнецы и Пентагон 11 сентября 2001 года, выражение нового международного терроризма, запустили процессы, которые ослабили либеральный порядок демократии и верховенства закона.

Глобальный финансовый кризис, разразившийся в 2008 году, представлял собой решающий вызов международному порядку после холодной войны и был среди главных причин новой и ошеломляющей волны протестов и глобального недовольства, характеризовавших начало второго десятилетия XXI века. Финансовый кризис привел к общей потере доверия к финансовому сектору и политическим классам, вызвал растущее экономическое неравенство, рост безработицы и широко распространенные чувства экономической неуверенности и пессимизма в отношении будущего.

Цикл протестов, начавшийся в 2011 году – «Глобальная волна протеста» – захватил воображение международной общественности и оставил неизгладимый след в коллективной памяти и социальном воображении XXI века, сыграв важную роль в эволюции современной международной системы. Явление имело эпохальное значение, и это было связано как с динамичным характером протестов – с присутствием миллионов лиц, спонтанно мобилизованных в быстрой последовательности событий – так и с географическим распространением – от улиц Мадрида до площадей Каира, Нью-Йорка, Стамбула, Сантьяго, Киева и многих других [\[41\]](#).

В восстаниях арабского мира социальные сети оказали сильное влияние, сотрудничая с некоторыми спутниковыми телеканалами, такими как *CNN*, *BBC* и *Al Jazeera*. Все это, вместе с широко распространенным использованием мобильных телефонов, придало протестам арабского мира революционный характер, с новыми характеристиками по сравнению с прошлым и с возможностью распространения, повествования и быстрой

коммуникации, что делало их часто непредсказуемыми [\[22, с. 27\]](#).

Без сомнения, глобализация и цифровая революция предоставили новые инструменты для гражданского сопротивления и радикально трансформировали модели коммуникации: «виртуальная площадь» присоединилась к «реальной площади» в выражении недовольства. Одновременно, однако, подъем «больших данных» в политике позволил правительствам и крупным корпорациям собирать, организовывать и мгновенно получать доступ к практически неограниченному количеству информации о предпочтениях и поведенческих моделях граждан. Частные компании, такие как *Google* и *Facebook* (принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации), начали осуществлять монополистический контроль над Интернетом, контролируя чрезвычайное количество информации.

Новая волна глобального сопротивления: от Арабской весны до климатических движений

Термин «Арабская весна» относится к волне движений общественного протеста и гражданского сопротивления, имевших место с конца 2010 года в Тунисе, а затем распространившихся на Египет и по всей Северной Африке и части Ближнего Востока: Алжир, Ливан, Йемен, Сирия и другие страны. То, что произошло в арабском мире, представляло собой революционную волну как во временном, так и в пространственном отношении. Протестные движения в мусульманском мире были выражением как сильного экономического и социального недоумения, так и широко распространенной потребности в больших демократических свободах. Сначала возникло восстание против коррумпированных и недееспособных режимов или правительств. Основную массу протестующих составляли молодые люди среднего класса из городских центров с высоким уровнем безработицы. На начальных этапах всех протестов был сделан точный и сознательный выбор использования ненасильственных методов. Преобладающие требования не имели идеологической окраски, а были прагматичными. Новое поколение требует дебатов, свободы, демократии, хорошего управления и прав человека. Большинство движений не имели формальной структуры лидерства; после непосредственной фазы протеста это определило слабую способность трансформироваться в политические партии, способные управлять переменами.

Как отмечает Оливье Рой, между 1989 годом и Арабской весной есть несколько общих моментов: система рухнула изнутри под давлением мирных протестных движений; потрясения затронули разные страны, принадлежащие к одному политическому пространству и культуре, и «эффект домино» сыграл важную роль. По словам Роя, 1989 год представлял собой своего рода образец мирных и народных восстаний и только что показал, что «Вы можете это сделать» [\[16, с. 114\]](#).

Интерпретация судьбы Арабской весны и ее уроков для гражданского сопротивления является сложной задачей. Успех некоторых движений в начале 2011 года подпитывал привлекательную идею «эффекта домино», но результаты часто были драматичными, с взаимодействием между ненасильственными демонстрантами и различными формами власти, включая военную силу. Многие политические власти потеряли свою роль, некоторые диктаторы бежали, появились новые политические актеры и группы власти. Однако было также много неудач, и после начальной оптимистической фазы были некоторые трагические результаты в Египте, Ливии и Сирии, с растущей волной фундаменталистов.

Согласно Адаму Робертсу, главный урок Арабской весны заключается в следующем:

«Введение нового конституционного порядка в обществах с глубокими разделениями и небольшим опытом конституционной демократии является сложной и многогранной задачей [...]. Отсутствие предпосылок для мирного политического перехода является ключевой частью проблем Арабской весны» [\[17, с. 319\]](#). Это одно из главных различий между Арабской весной и европейскими демократическими революциями 1989 года. Кроме того, страны Центральной и Восточной Европы могли рассчитывать на поддержку Европейского союза для инициирования и завершения мирного и эпохального процесса демократического перехода.

Арабская весна оказала значительное влияние на международную систему в нескольких измерениях. Во-первых, она продемонстрировала потенциал гражданского сопротивления в регионе, долгое время считавшемся невосприимчивым к демократическим изменениям. Во-вторых, эти события привели к переконфигурации региональных альянсов и сфер влияния, затронув интересы ключевых внешних акторов, включая США, Россию, Европейский Союз и Китай. В-третьих, волнения в арабском мире способствовали дестабилизации региона и возникновению новых конфликтов, что привело к масштабным гуманитарным кризисам и миграционным потокам.

Параллельно с Арабской весной в Европе и США возникли новые формы гражданского сопротивления, направленные на борьбу с социальным неравенством и экономической несправедливостью. В мае 2011 года демонстранты заняли центральную площадь Мадрида, Испания. Так зародилось движение «Индигнадос» (Возмущенные) – масштабная мобилизация, возникшая из растущих экономических трудностей широких социальных слоев. В сентябре 2011 года наступила очередь Соединенных Штатов с движением *Occupy Wall Street (OWS)*. Активисты заняли парк Зукотти в Нью-Йорке, чтобы осудить злоупотребления финансового капитализма, эксцессы рыночной экономики и экономическое и социальное неравенство [\[18, с. 166-177\]](#).

Особенностью этих движений стал отказ от традиционных иерархических структур и принятие принципов прямой демократии, горизонтальности и инклюзивности. Лозунг «Мы – 99%» подчеркивал противостояние между подавляющим большинством населения и крошечной экономической элитой, контролирующей непропорционально большую долю богатства. Движения использовали новые тактики, включая длительную оккупацию общественных пространств, создание альтернативных сообществ с собственной инфраструктурой и принятие решений на основе консенсуса через народные ассамблеи.

Мирные протесты продолжались на протяжении второго десятилетия XXI века. В 2019 году произошло беспрецедентное количество ненасильственных антиправительственных движений. Протесты, забастовки и демонстрации происходили одновременно во многих разных странах, от Чили и Эквадора до Гонконга и Ливана [\[1, с. 72\]](#).

Среди новых вызовов для нынешнего поколения гражданского сопротивления особое место занимает экологическая битва за защиту планеты. Экологический активизм как форма гражданского сопротивления отличается от предыдущих движений своим глобальным характером, долгосрочной ориентацией и представлением интересов будущих поколений. Новое поколение, представленное движениями гражданского неповиновения, такими как *Extinction Rebellion* или *Fridays for Future*, особенно с 2019 года, организовало регулярные демонстрации против текущей экологической политики и для повышения общественной осведомленности о климатическом и экологическом чрезвычайном положении.

Манифест движения *Extinction Rebellion* говорит прямо: «Пришло время. Наш последний

шанс сделать что-то с глобальным климатическим и экологическим чрезвычайным положением. Сейчас или никогда, нам нужно быть радикальными. Нам нужно восстать. И нам нужно восстать» [\[21, с. 1\]](#). Протесты по климатическому и экологическому чрезвычайному положению влияют на выбор правителей и обречены оказать сильное влияние на глобальное управление.

Ключевой фигурой экологического движения стала шведская активистка Грета Тунберг, начавшая в 2018 году школьную забастовку за климат перед шведским парламентом. Ее индивидуальный протест трансформировался в глобальное движение *Fridays for Future*, которое к сентябрю 2019 года смогло мобилизовать более 4 миллионов человек по всему миру для участия в «Глобальной климатической забастовке». Уникальной особенностью современного экологического активизма является его опора на научный консенсус относительно климатического кризиса. Активисты не просто выражают свое мнение, но требуют, чтобы правительства и корпорации действовали в соответствии с научными данными о климатических изменениях [\[38, с. 320\]](#).

Гражданское сопротивление в XXI веке построило новый нарратив несогласия, создало новые области оспаривания, дало новую роль и новую центральность женщинам (движение *#MeToo*), породило новое поколение расовой борьбы (*Black Lives Matter*), подпитало обновленную чувствительность к климатическому и экологическому чрезвычайному положению и создало новые возможности для противостояния другим формам власти [\[42\]](#). Протесты в Иране возглавляются женщинами и рассматриваются как наиболее серьезный вызов иранским властям за десятилетия [\[40\]](#).

Заключение

Падение коммунистических режимов в 1989 году первоначально породило эйфорию относительно триумфа либеральной демократии и открытого общества, однако последующие десятилетия продемонстрировали более сложную динамику. Сравнительный анализ успешности ненасильственных и насильственных методов сопротивления подтверждает большую эффективность гражданского сопротивления, однако тревожной тенденцией выступает снижение его результативности в последнее десятилетие.

Результаты «бархатных революций» в Европе и событий на площади Тяньаньмэнь привели к формированию альтернативных моделей развития, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Национальный путь развития Китая после 1989 года, сочетающий государственное управление с элементами рыночной экономики, позволил избежать хаоса дезинтеграции и сосредоточиться на экономическом росте и модернизации.

Опыт Арабской весны наглядно продемонстрировал ограниченность универсалистских подходов к продвижению демократии без учета исторического, культурного и геополитического контекста. Трагические последствия некоторых ближневосточных трансформаций свидетельствуют о том, что стабильность и предсказуемость развития нередко представляют большую ценность для населения, чем радикальные политические перемены, не подкрепленные необходимыми институциональными и социально-экономическими условиями.

Цифровая революция создала новую арену для гражданского сопротивления, расширив возможности мобилизации и координации действий, но одновременно породила феномен «слактивизма» – поверхностного цифрового активизма, не приводящего к реальным

изменениям. Государства, в свою очередь, научились эффективно противодействовать цифровым формам мобилизации, используя как методы блокировки и цензуры, так и более сложные стратегии информационного влияния.

Современная многополярная система международных отношений характеризуется сосуществованием различных моделей общественного развития и государственного устройства, конкурирующих за влияние и признание. Вестфальские принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела возвращаются в международную практику после периода гегемонии либерального интервенционизма.

В ближайшие годы можно прогнозировать возникновение новых форм гражданского сопротивления, ориентированных не столько на политические трансформации, сколько на противодействие глобальным вызовам – климатическому кризису, экономическому неравенству, цифровому тоталитаризму. Значение гражданского сопротивления в ближайшие десятилетия будет определяться его способностью адаптироваться к новым геополитическим реалиям, учитывать национальную и культурную специфику и предлагать конструктивные альтернативы существующим моделям, а не просто деструктивную критику.

Библиография

1. Chenoweth E. The future of nonviolent resistance // *Journal of Democracy*. 2020. Vol. 31. № 3. P. 69-84. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0046> EDN: AYFXWA.
2. Roberts A. Introduction // *Civil Resistance and Power Politics. The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present* / Ed. by Roberts A., Garton Ash T. Oxford-New York: Oxford University Press, 2011. 407 p.
3. Havel V. *The Power of Powerless: Citizens Against the State in Central Easter Europe*. M.E. Sharpe, 1985. 228 p.
4. Arendt H. *Disobbedienza civile*. Chiarelettere editore, 2017. 96 p.
5. Tismaneanu V. The Revolutions of 1989: Causes, Meanings, Consequences // *Contemporary European History*. 2009. Vol. 18. № 3. P. 271-288. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777309005049>.
6. Nonviolent and Violent Conflict Outcomes (NAVCO) // Harvard Dataverse. URL: <https://dataverse.harvard.edu/file.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/ON9XND/XRA6WM&version=1.0> (дата обращения: 01.06.2025).
7. Chen Jian. Tiananmen and the Fall of the Berlin Wall: China's Path toward 1989 and beyond // *The Fall of the Berlin Wall: The Revolutionary Legacy of 1989* / Ed. by Engel J.A. Oxford University Press, 2009. P. 97-125.
8. Dimitrov M.K. European Lessons for China: Tiananmen 1989 and beyond // *The Long 1989. Decades of Global Revolution* / Ed. by Kosicki P.H., Kunakhovich K. CEU Press, 2019. 66 p.
9. Garton Ash T. A Century of Civil Resistance: Some Lessons and Questions // *Civil Resistance and Power Politics* / Ed. by Roberts A., Garton Ash T. Oxford: Oxford University Press, 2011. 375 p.
10. Maier C. Civil Resistance and Civil Society: Lessons from the Collapse of the German Democratic Republic in 1989 // *Civil Resistance and Power Politics* / Ed. by Roberts A., Garton Ash T. Oxford: Oxford University Press, 2011. 260 p.
11. Kenney P. *Carnival of Revolutions, Central Europe 1989*. Princeton University Press, 2002. 355 p.
12. Dahrendorf R. *Reflections on the Revolution in Europe*. Transaction Publishers, 2005. 178 p.

13. Ignatieff M. Introduction // Rethinking Open Society. New Adversaries and New Opportunities / Ed. by Ignatieff M., Roch S. CEU Press, 2018. 181 p.
14. Fukuyama F. 30 Years of World Politics: What Has Changed? // Journal of Democracy. 2020. Vol. 31. № 1. P. 213. DOI: 10.1353/jod.2020.0001 EDN: WVTIYI.
15. Harari Y.N. 21 Lessons for the 21st Century. Random House, 2018. P. 23-24.
16. Roy O. The Arab Four Seasons. When an Excess of Religion Leads to Political Secularization // 1989 as a Political World Event / Ed. by Rupnik J. Routledge, 2014. 172 p.
17. Roberts A. Civil Resistance and the Fate of the Arab Spring // Civil Resistance in the Arab Spring. Triumphs and Disaster / Ed. by Roberts A., Willis M.J., McCarthy R., Garton Ash T. Oxford University Press, 2016. 340 p.
18. Flesher Fominaya C. Social Movements and Globalization. How Protests, Occupations and Uprising Are Changing the World. Palgrave Macmillan, 2014. P. 166-177.
19. Warner A. A Brief History of the Anti-Globalization Movement // International and Comparative Law Review. 2005. № 2. P. 537-550.
20. Агеев-Полторжицкий В. Сила мира: путь ненасильственного сопротивления. От истории к действию / Виктор Агеев-Полторжицкий. М. : Ridero, 2024. 70 с.
21. Rebellion E. This is not a Drill. Penguin, 2019. 195 p.
22. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Polity Press, 2015. 190 p.
23. Dahrendorf R. Economic Opportunity, Civil Society and Political Liberty // Development and Change. 1996. № 2. P. 229-239.
24. Rupnik J. The World after 1989 and Exhaustion of Three Cycles // 1989 as a Political World Event / Ed. by Rupnik J. Routledge, 2014. 190 p.
25. Huchet J.F. 1989 and the Advent of an Authoritarian State Capitalism in China // 1989 as a Political World Event / Ed. by Rupnik J. Routledge, 2014. 169 p.
26. Pinckney J. From dissent to democracy: The promise and perils of civil resistance transitions. New York: Oxford University Press, 2020. P. 60-61.
27. Bayer et al. The democratic dividend of nonviolent resistance // Journal of Peace Research. 2016. № 6. P. 758-771.
28. Johnstad P.G. Nonviolent democratization: A sensitivity analysis of how transition mode and violence impact the durability of democracy // Peace & Change. 2010. № 3. P. 464-482.
29. Betchke F.S., Pinckney J. Non-violent resistance and the quality of democracy // Conflict Management and Peace Science. 2021. № 5. P. 503-523.
30. Sutton J. et al. Explaining political Jiu-jitsu: Institution-building and the outcomes of regime violence against unarmed protesters // Journal of Peace Research. 2014. № 5. P. 553-573.
31. Smithey L., Kurtz L. Smart repression // The Paradox of Repression and Nonviolent Movements / Ed. by Kurtz L., Smithey L. New York: Syracuse University Press, 2018. P. 185-214.
32. Spohr K. Post Wall. Post Square. Rebuilding the World after 1989. William Collins, 2019. P. 47-55.
33. Айзатуллин Р. З., Усов Д. А., Савкин Ф. В. Ненасильственный протест и его эффективность // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире. 2021. С. 365-369. EDN: JCQAEH.
34. Kundera M. The Tragedy of Central Europe // The New York Review of Books. April 26, 1984. 210 p.
35. Rupnik J. After 1989: The Perennial Return of Central Europe. Reflections on the Sources of the Illiberal Drift in Central Europe // Rethinking Open Society. New Adversaries and New Opportunities / Ed. by Ignatieff M., Roch S. CEU Press, 2018. P. 257-259.
36. Touraine A. What Is Democracy? Westview Press, 1997. 224 p.

37. Della Porta D. I new global. Il Mulino, 2003. 192 p.
38. Klein N. On Fire. The (Burning) Case for a Green New Deal. Simon & Schuster, 2019. 320 p.
39. Krastev I. From Politics to Protest // Journal of Democracy. 2014. № 4. P. 199.
40. Marks Z., Haghighatjoo F., Chenoweth E. Iran's Women on the Frontlines // Foreign Affairs. October 31, 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/iran/irans-women-frontlines> (дата обращения: 01.06.2025).
41. Rupnik J. Senza il muro. Le due Europe dopo il crollo del comunismo. Donzelli Editore, 2019. 131 p.
42. Beer M. Civil Resistance Tactics in the 21st Century. Washington: ICNC, 2021. P. 24-25.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Конец XX - начало XXI века оказался ознаменован различными гражданскими движениями, имевших в основе не насильственное сопротивление. Уместно напомнить, что подобные формы протеста развивал еще Мохатма Ганди, однако именно в наши дни данные акции нашли применение в среде эоактивистов и других движений. В этой связи вызывает интерес изучение истории и прогнозирование деятельности движений гражданского сопротивления.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является влияние гражданского сопротивления на мировое сообщество в постбиполярный период. Автор ставит своими задачами раскрыть аспекты и историческое значение гражданского сопротивления, сравнить события 1989 года в Восточной Европе и Китае, проанализировать гражданское сопротивление на современном этапе.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать наследие «долгого 1989 года» в эволюции гражданского сопротивления.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы Р.З.Айзатуллина, Д.А.Усова, Ф.В. Савкина, Ж. Рупника, Ф. Фукуямы и других авторов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения современных общественно-политических тенденций. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто

интересуется как общественно-политическими движениями, в целом, так и гражданскими активистами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "процессы гражданского сопротивления систематически применяют разнообразные методы ненасильственного действия для мобилизации населения в поддержку или противостояние определенным политикам, для делегитимации противников и для устранения или сокращения источников их власти". Автор показывает, что "сопротивление в XXI веке построило новый нарратив несогласия, создало новые области оспаривания, дало новую роль и новую центральность женщинам, породило новое поколение расовой борьбы, подпитало обновленную чувствительность к климатическому и экологическому чрезвычайному положению и создало новые возможности для противостояния другим формам власти". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи,

"последствия некоторых ближневосточных трансформаций свидетельствуют о том, что стабильность и предсказуемость развития нередко представляют большую ценность для населения, чем радикальные политические перемены, не подкрепленные необходимыми институциональными и социально-экономическими условиями".

Главным выводом статьи является то, что

"значение гражданского сопротивления в ближайшие десятилетия будет определяться его способностью адаптироваться к новым геополитическим реалиям, учитывать национальную и культурную специфику и предлагать конструктивные альтернативы существующим моделям, а не просто деструктивную критику".

Представленная на рецензирование статьи посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы в учебных курсах, а также при анализе общественно-политических движений современности.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Конфликтология / nota bene".